

Борис ПАРАМОНОВ

О жанре риска

СТРИПТИЗЁР

В Нью-Йорк в очередной раз прибыл Евгений Александрович Евтушенко. На этот раз поэт будет преподавать в Куинз-колледже, в котором основную массу студентов составляют дети недавних иммигрантов со всех концов света.

В "Нью-Йорк таймс" Евтушенко был представлен как поэт и путешественник. В оригинале еще сильнее — "world traveler" — "мировой путешественник", всемирный следопыт, так сказать. Таков действительный Евтушенко, о котором трудно со всей определенностью сказать, кто он в первую очередь — поэт или путешественник. Но у русского слова "всемирный путешественник" вызывают еще одну неизбежную ассоциацию: пойти по миру, побираться, нищенствовать. Евтушенко — русская обнищавшая знаменитость.

Конечно, Евтушенко — человек талантливый, и он знает первое правило реализации таланта: делать хорошую мину при плохой игре, как говорит китайская пословица, или переводить неумение в прием, как говорил Виктор Шкловский. Отсюда все его разговоры о Куинзе, о том, какие мирные тут люди, как интересно жить не только в Манхэттене и вообще не быть слишком разборчивым. Мотивировано это даже не демократичностью, а социалистическими симпатиями поэта, что должно понравиться американцам, особенно читателям "Нью-Йорк таймс". Они знают, что для Америки социализм никак не подходит, но иностранные социалисты им нравятся, для них это экзотика, которую можно приветствовать как гостеприимное выступление. Социалист на гастролях! Это Америка приемлет.

Но любой житель Нью-Йорка поймет, что Куинз-колледж и квартира по соседству — не от хорошей жизни, мировые знаменитости в Форест-хиллз не живут, сейчас туда густо наплывают китайцы из Гонконга.

В общем, антреприза эта не из тех, что стимулирует высокую самооценку.

Я видел по телевидению евтушенковский класс, когда он года два назад преподавал в Нью-Йоркском университете. Он со студентами разбирал "Двенадцать" Блока. Это напоминало советскую избу-читальню или того же времени школу ликбеза — так называемая громкая читка, а Евтушенко — избач. Поэтому нельзя не улыбнуться, прочитав в журнале "Огонек" (номер пять), как он описывает результаты своей дея-

тельности в Оклахоме в прошлом году:

"Когда в городе Оклахома произошел террористический взрыв, одна моя студентка написала в экзамениционной работе о том горе, которое она испытала, потеряв сестру и ее двоих детей. Но в момент первого большого горя, парализовавшего эту юную девушку, по ее собственному благодарному признанию, ей помогли стихи Анны Ахматовой и Марины Цветаевой. Так что преподаю я не зря".

Это может пройти только у читателя "Огонька". В Америке люди в беде не стишки читают, тем более на чужом и малопонятном языке, а идут к психотерапевту, а также в суд — вытянуть денежную компенсацию у ответчиков, коли таковые найдутся.

Речь в действительности идет о заработке, и не совсем ясно, почему это житейское обстоятельство надо столь пышно маскировать разговорами о насущности русской поэзии для американцев. Но я далек от того, чтобы обвинить Евтушенко в лицемерии. Тут сложнее. Он не лицемер, а лицедей, он в роли, он играет.

В пятом номере "Огонька" на всю страницу помещена фотография поэта с женой и двумя малолетними сыновьями. Из его статьи узнаем, что у него есть еще три сына от других жен. Евтушенко на фотографии откровенно позирует, причем позирует не просто так, а именно по-актерски. У него дурной вкус актера. Актер же, как известно, должен выставляться. Вот Евтушенко и выставился в очередной раз. Рассказал, кажется, все, что происходит в его жизни сегодня. И что его роман издан в 15 странах, и что пьеса пойдет сразу в Копенгагене и в Тель-Авиве, и что в Италии ему присудили престижную премию Джованни Боккаччо, и что он записал на каком-то радио 52 передачи о русской поэзии на год вперед, и что в Политехническом музее решили каждый год праздновать день его рождения, и что он выступал в германском бундестаге и в 27 городах Америки. Он даже сообщил, что недавно ему повысили пенсию, со 192 тысяч до 242, совершенно, видимо, не подумав, что это признание может быть оскорбительно для российских пенсионеров, живущих только на пенсию. Этакая милая шуточка избалованной жены, тратящей на булавки месячный бюджет бедняка.

Сам-то Евтушенко далеко не бедняк. Это в Америке люди понимают, что он в стесненных обстоя-

тельствах. А по-русски-то он все равно богат. Но такие соображения, как память о настоящих пенсионерах, ему в голову не приходят, потому что на сцене он слушает только себя, а он всегда на сцене. Отсюда, от требований сценических, не только манера поведения Евтушенко, но и самый его стиль.

В том же номере "Огонька" опубликован отрывок из его новой повести о войне в Абхазии. Это очень плохая проза. Собственно говоря, это и не проза, это некий синтетический жанр, в котором работает Евтушенко и который страшно выигрывает, когда сопровождается рифмами, потому что он по природе своей требует побрякушек. Это — искусство балагана.

Я хочу похвалить Евтушенко, а не обругать. Это искусство, работающее фальшивыми камнями, стразы, а не бриллианты. Но это и

есть подделка, данная в максимально яркой раскраске, крупным планом и очень громким голосом. Можно вспомнить и цирк, цирковую обстановку: опилки, клоун на арене, обезьяны, дрессированные львы. Цирк — общий знаменатель этого жанра.

Свой стиль Евтушенко нашел не сразу. Он сначала хотел стать лириком, и у него очень неплохо получалось. Но потом, первый раз попав на эстраду, он понял свое истинное предназначение и сумел ему соответствовать. Оказался на уровне древнего искусства цирка, представления, перформанса, шоу. Евтушенко — первоклассный шоумен. Он владеет сразу всеми цирковыми жанрами — воздушного гимнаста, канатоходца. Это то, что создало ему репутацию смелого диссидента, хотя он всю жизнь работал с сеткой, как, впрочем, и подобает профессионалу. Он владеет искусством вольтжировки, клоунады и, самое главное, жанром фокусника, искусством оптической иллюзии. Евтушенко 62 года, если не больше, но он далеко еще не утомился. Ветеран советского цирка находится в блестящей форме.

Давно известно одно эстетическое правило: художника нужно судить по законам, им самим для себя созданным. По-другому сказать, нужно видеть и понимать индивидуальность стиля. Стиль, так сказать, всегда и только индивидуален. Недаром сказано: "Стиль — это человек". Нельзя правильно оценить Евтушенко, исходя из канонов русской классической или авангардистской поэзии. Он создал собственный стиль и нашел собственный жанр. Точнее, он взял этот стиль из современной массовой культуры и трансформировал его в соответствии со своим специфическим даром. Он создал стиль и жанр эстрадной поэзии — поэзии как шоу. Акцент здесь не на качестве стихов, а на моменте исполнения, на перформансе. Евтушенко немислим без и вне эстрады, он требует не читателя, а зрителя.

Ближайшая параллель к Евтушенко — не Бродский и даже не Маяковский, а Алла Пугачева. Это феномен "звезды", которая для потребителей нынешнего масскульта интересна целиком — не только романсами, но и романами. "Звезда" не существует отдельно от светской и скандальной хроники. Мы знаем, что Пугачева вышла замуж за молодого человека, годящегося ей в сыновья. Но мы знаем подобное и о Евтушенко, о его женах и детях, причем он сам об этом охотно сообщает, потому что чувствует свой стиль и жанр. И глубиннейшее зерно человека сцены, подспуднейшая его психологическая черта, изнутри бессознательно определяющая весь его облик, — эксгибиционизм. В сущности, главный подразаемаемый здесь жанр — стриптиз. Актера, человека сцены нужно судить по степени его приближения к этой предельной цели. И тогда оказывается, что максимум актерства — клоунада, ибо клоун — это артист, которому требуется по законам жанра терять на арене штаны.

Но тогда новым смыслом наполняется газетный образ Евтушенко-путешественника. Мы вдруг начинаем узнавать в нем героев фильма Ингмара Бергмана "Седьмая печать", где семейство циркачей являет образ святого семейства и единственное спасается от чумы. Бродячий цирк предстает экзистенциальной моделью человечества, живущего среди чумы и боен и могущего противопоставить им разве что нехитрое, но спасительное искусство клоунады. И тогда вспоминаются стихи другого поэта:

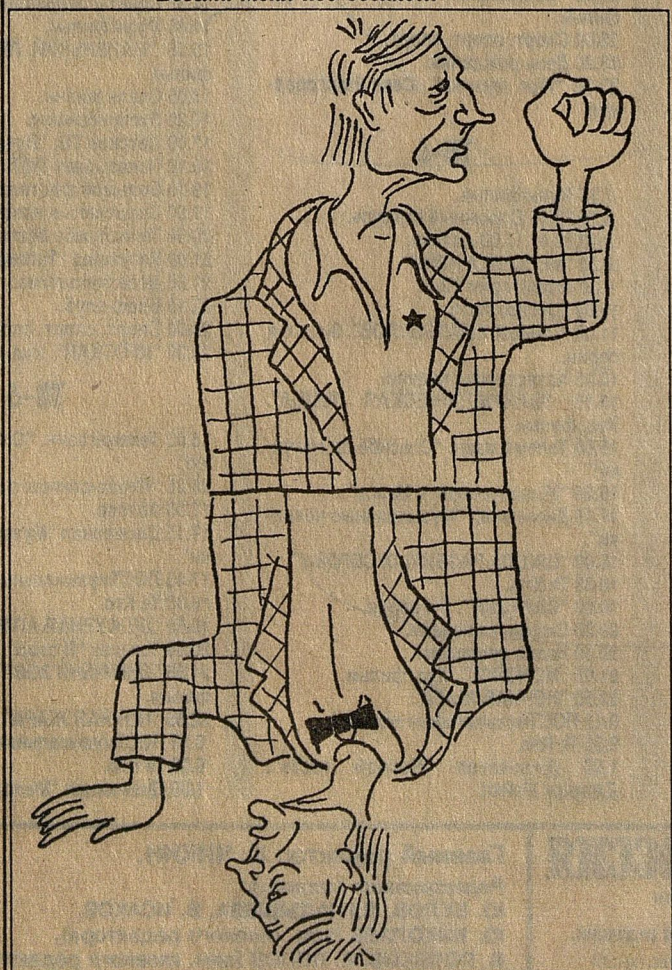
Над черной слякотью дороги
Приподнимается туман,
Везут, покряхтывая, дроги
Мой полинялый балаган.
Лицо дневное Арлекина
Еще бледней, чем лик Пьеро,
И в угол прячет Коломбина
Лохмотья, шитые пестро.
Тащитесь, траурные клячи,
Актеры, правьте ремесло,
Чтобы от истины ходячей
Всем стало больно и светло.
В тайник души

проникла плесень,
Но надо плакать, петь, идти,
Чтоб в рай моих
заморских песен
Открылись торные пути.

Из серии "Вертухай"

В социализма знойный день
В бой с капиталом звал народы,
Орал: "Возьми меня, Фидель,
Солдатом в армию свободы".

Пришла метель. Завыл "Апрель",
И в юнгштурмовке зябко стало.
Шептал: "Буржуйская Адель!
Возьми меня под одеяло..."

В. ГУМЕНЮК, Ю. НИКИТИН (Хабаровск).

(Радио "Свобода").